

АННА ЛИНИНА

Ангел прокажённых

Анна Линина
Ангел прокажённых

«Издательские решения»

Линина А.

Ангел прокажённых / А. Линина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851631-3

Творческий поиск автора лежит в области катарсиса, являющегося следствием отчаяния и безысходности, которые влекут за собой вопросы «Почему?», «За что?» и «Где Бог?» Стихи впитали в себя боль и отчаяние 90-х от бесприютности и отвержения обществом души, наложившиеся на поиск лирическим героем духовного и исцеляющего. Затронуты проблемы испытывающих Афганский и Стокгольмский синдромы. «Ангел прокажённых» — символ надежды на облегчение боли тем, у кого нет и проблеска надежды.

ISBN 978-5-44-851631-3

© Линина А.
© Издательские решения

Содержание

Надежда	6
«Что ты шепчешь, трава придорожная...»	8
«И почки вновь пушистые ползут ...»	9
«Кровавой полосой заката...»	11
Новый день	13
«Дни страшных тревог...»	14
«Летят безжалостные дни...»	16
«Дрожат в закате тонкие осины...»	17
Весенний закат	18
Неисцелённым	19
«Когда снежит за окнами январь...»	21
«Угрюмый весельчак, в чьём сердце пули...»	23
Артист	25
«И пускай на горе мне с рождения до тризны...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ангел прокажённых

Анна Линаина

© Анна Линаина, 2017

ISBN 978-5-4485-1631-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Надежда

Вьюги вышние горечь рассыпят вокруг,
Но и ласка в них есть, хоть они неутешны.
Дай мне руку, мой друг – только руку, мой друг,
И не бойся паденья – оно неизбежно.

Грустный ангел, чьим взглядом расплавятся льды,
Эти муки убьёт... и снега, тихо, нежно
Так целуют, истерзанных, наши следы,
Наши раны не тронув... Мы хрупки, небрежны.

Пусть метель достаёт свою виолончель,
Словно старая дева – в ней ясная свежесть;
Льётся нежность в зовущие горечь и хмель:
То щемящая жалость, то сети надежды!

Её чистым дыханием вьюга летит,
Словно светоч холодный, сияющий томно,
За всё то, что нестихнувшей скорбью горит,
И за то, что и солнце укуталось чёрным.

Загребу я в ладони тот девственный снег,
Тишину я приму, уж не чуя в ней жала;
И прошу злую плеть у духовных калек,
Что скупы на любовь, на добро или жалость.

Может, тоже давились тем слёзным огнём,
Застревающим в горле, не видя участия,
Не живя ни грядущим, ни прожитым днём,
И счастливых кляня – не надеясь на счастье.

Что ж, конечно, не зря, выпив яд до конца,
Цепenea от горя, обидной неволи,
Мы, беду не боясь, вскрыли наши сердца,
И разверзнули мрак, изнывая от боли.

Грустный ангел, вместивший заветы Христа,
Вновь склонился и вот, с состраданием нежным,
Всех убитых бедою – целует в уста,
Со слезами горячими... призрак надежды!

Потому что мечтая о доле другой,
Слышишь ты: пред тобой свищет саблями вечность,
Разжигает сердца – древний, вечный огонь,
Не геенны пустой, а святой – Человечность.

Пусть помилует Бог, ледяная заря,
Холодами пьяня, бьющий пульс успокоит.
Мы и слово «катарсис» любили не зря,
И слепа, и невинна молитва изгоев.

И огромные крылья раскроет заря,
Ссыпав снег ледяной, в лес худой и зелёный,
И увидит нас, светом слепящим горя,
Ангел всех прокажённых и всех оскорблённых!

«Что ты шепчешь, трава придорожная...»

Что ты шепчешь, трава придорожная,
Угасающим бликам зари?
Удлиняются тени тревожные.
Что ты плачешь, по ком, говори.

...Кто они, чьей тоскою глубокою,
как водой океан, мрак земной
полон, властью отравлен жестокою,
рока скорбных незримой рукой?

Может, тем, чья мольба так отчаянна,
тщетно силишься боль их унять?..
Или хочешь руками печальными,
с добротою девичьей обнять?

Огорченья развеять, как сказкою,
увядающих, блеск чей потух?
Успокоить мучения ласкою,
убаюкав страдающий дух?..

Может, хочешь дать силу скитальцам ты,
чары дев, открывая без слов,
и даримое нежными пальцами,
чтоб не мучил нег адовых зов?

Что ты шепчешь, трава придорожная,
Угасающим бликам зари?
Удлиняются тени тревожные.
Что ты плачешь, по ком, говори.

«И почки вновь пушистые полезут ...»

И почки вновь пушистые полезут —
Весна идёт, всю стужу растопив.
Что исцелит души моей порезы,
Холодный ветер рощ, молчащих нив?

Она теперь пуста, с дырой большою,
Сквозной, о чистый воздух, о поля!
Что делать с неумолкшею душою,
Когда поёт зелёная земля?..

То сердце – в землю клином журавлиным
Упало, ласки не узнав бальзам?
Не дождь во мгле – Марии Магдалины
Слезами помутнённые глаза.

Закат кровав... Твой шёпот слышу читкой,
Чужой всем ветер, брат ночных пустынь...
Что прячет ночь за чёрною накидкой?
День солнечный мне горек, как полынь.

Аида мраком стала дня палитра.
Нам тьма нужней, и в горе не до сна.
Молчите, птицы! ночи – для молитвы.
И марлею на раны тишина.

Весна... Но в кубок мой, как в гроб хрустальный,
Целительной и капли не плеснув,
Вы вечно здесь... Кого вы растерзали —
Слезами обесчестили весну!

Спи, боль моя; врачующая дрёма
Меня сейчас укачивать начнёт,
Утишив нож Афганского синдрома,
Как старица, лишь ласкою уймёт:

Пусть мрак меня преследует тлетворный —
Целебнейшей рукой стряхнёт беду.
Тесьмы нательной крест мой животворный,
И соловьи, умолкшие в саду.

И лес замрёт... и сонные коряги
Мне ангелы, где человек – как бес.
То время скорби... Опустите флаги
Веселия с поруганных небес.

«Кровавой полосой заката...»

Кровавой полосой заката
Горела ширь издалека,
Но тихой розовой ватой
В реке ласкались облака.

День был тяжёлый и постылый,
Тоскою, мрачностью объят,
Но кто-то в небе легкокрылый
На землю выплеснул закат.

Огонь восхода, словно грёзу,
Разжёт, тьме ночи вопреки,
Скрыл в алых всполохах берёзы
Взмахом архангельской руки.

Расплавил боль, как солнце прорубь,
Но в жалобной тиши лесной
Вдруг замер в скорби, словно голубь,
Над сокрушённой головой.

Давлел угрюмым чадом грозным
Труб заводских железный гнёт.
Но благовоний туберозы
Из сада он принёс мне мёд.

Он закачал вечерний ветер,
Что мой унёс тяжёлый вздох.
В бору жёг огоньками свечи,
Чтоб заблистал зелёный мох.

Хотел порез утишить каждый,
Укрыв прозрачной лик полян
Туникой мглы, холодной, влажной,
Чтоб снежной дымкой был я пьян.

Над высью чисто-голубою
Как патоку, пролил он свет,
Чтоб горький вопль успокоить,
Где затиханья боли нет.

Блестящей кистью с долгим, грозным,
Тяжёлым воевал он днём;
И кожу белую берёзы
Облёк он розовым огнём.

И пламень тот имеет силу
Гасить сердечный и другой,
Лихой огонь неугасимый,
Жестокий, ярый и немой,

Другой, что так к нему ревнивый,
И грудь дотла мою согрев,
Печали чадом сиротливым
В отчаяния омут вверх.

...Когда же хваткой мёртвой, прочной
Мою дремоту боль сожмёт,
Спасительной чадрую ночи
Меня он с грустью обернёт.

Новый день

Ты сражённый печалью могильной,
А душа – сколько боли прошла —
Словно агнец, немой и бессильный,
Вся отмыта, как снег, добела.

Только раны разили и тело,
Струны хрупки у грешной души.
Боль – тиран, что царит без предела.
Как худую тоску задушить?

Отгремело, отжгло, отболело.
И ты жив. Всё в безличии дня,
Словно белый фарфор, разлетелось...
Как мертвец – ты глядишь на меня.

Глаз погасших луч солнца не тронет,
Как руно золотое, горит —
Но ты там, где кричат или стонут,
Задыхаясь от горьких обид.

Где молчит сильный колокол звонкий,
Где беда обрывает полёт.
И луч света, и нежный, и тонкий
В тот эфир никогда не войдёт.

Но смотри: новый день наступает,
Не окрашенный чернью годин.
Каждый звук тебе напоминает,
Что ты Бога возлюбленный сын.

Что, весенней играя капелью,
В блеск алмазный сливаясь, горя,
Солнце дня над твоей колыбелью
Улыбаясь, блистало не зря.

Так подруга, избыв твою муку,
Искупив неживую зарю,
Станет явью, кладя в твою руку
Материнскую руку свою.

Схлынет всё; новый день наступает,
И уже ты не будешь один.
Каждый звук тебе напоминает,
Что ты Бога возлюбленный сын.

«Дни страшных тревог...»

Дни страшных тревог,
Печалей смертельных,
Как слёзы солёных...
Без песен и сил,
Ты стонешь – но Бог
Подаст драгоценных
Камений – и больше,
Чем ты их просил.

Ты когтя сатира,
Насмешек притонов,
Любви – раскалённой
Костров, что коптят,
Боишься, но мир
Больных, отрешённых,
Убитых, сражённых, —
И раненых ряд.

Пусть голову скорбно
Положишь на плаху,
Под коготь сатира,
Под жала стрелы,
Боль – жуткая песня,
И риза монаха,
Песнь стрел, тьму пронзивших
Духовной золы.

Зола ядовита,
Но души людские
Как солнце в ущелье,
Слетятся во мрак,
И мёртвые стены
Холодной пещеры —
Как нежное сердце,
В тебе воскресят.

И сердце положишь —
Разбухшее горько,
Кровавою птицей,
Напрасно большой,
Но феи слетятся —
Сколь вынести сможешь,
И не обратиться
В мерзавца душой.

Истерзан, измучен,
От дикости боли
Ты диким стал, витязь,
Не зная добра,
В эфире летучем
Сквозь звёзды увидишь,
Пав в омут зелёный —
Святого Петра.

А было так пошло
Твоё утешенье,
Ужимкой бездушной
Ночей-ворожей:
Есть низких и прошлых
Грехов отпущенье,
Ведь мёртвые руки
Не держат ножей!..

«Летят безжалостные дни...»

Летят безжалостные дни,
Впитав всю горечь мироздания.
Как жаркий костерок – угли
Зажжёшь ты светоч сострадания.

Пусть вечный лёд сковал ручьи.
Черства судьба – но сердце чистое.
И ласки нежные твои —
Лаваша мякоти душистые.

Пусть жизнь спокойною течёт,
Как после бури – безмятежная.
Огонь жилок, что под кожей бьёт,
Ладоней поцелую нежно я.

Блаженных слов напиток пью,
Согревшись вдруг душой оленьюю.
И брошу голову свою
Тебе на сильные колени я.

И тьма золою в серебре
Притихла чёрною, превратною.
Твоя любовь – как в декабре
Огня дыханье благодатного.

Мир полон боли, рок жесток,
Скорбь сжала хваткою удушливой.
Тем жарче губ священный ток
Средь злого холода бездушного.

Где дух мой, онемев, продрог,
Был острыми изрезан стёклами,
К погибшей ты – иль всё же Бог? —
Губами прикоснулся тёплыми...

«Дрожат в закате тонкие осины...»

Дрожат в закате тонкие осины,
И слёзы-смолы льются по стволам.
В душе так жжёт река из керосина,
Что я не верю солнца зеркалам.

Моя душа – отравленная птица,
И расправлять ей крылья тяжело.
Но вдруг не полетит – а загорится,
С золой сольётся хрупкое крыло?

И пусть, словно малиной, что в корзинах,
Она полна надежд, блаженных слов,
Вдруг вспыхнет той рекою из бензина,
Сок вырвав добрых и живых стволов?

Так – как, срывая тонкие одежды,
По ней прошёл пятой, проклятый пал,
Убил, как травы, нежные надежды,
Убил её, замучал, растоптал?

Весенний закат

И закат... Лебединые шеи
Облаков в огневом окаёме,
Где так чисто в небесных траншеях,
Полумесяц как фон от иконы,

Где весна дышит воздухом вышним,
И из выси глубокой сочится.
Одеялом лишь розовым вишни
Принакрыв, как в садовых теплицах.

И стоят в сочной зелени ветки,
Словно в них молоком брызнул белым
В новый день из небес Святой Крепкий,
Чтобы людям цвела и мелела,

Осыпаясь торжественным снегом,
И, душистая, стала лишь краше,
И струилась весенняя с неба
Благодать из божественной чаши.

Вместо боли останется прочерк,
Оживёт и пребудет в покое
Так однажды душа моя, Отче.
Я узнаю, что это такое.

Неисцелённым

Солнце не гнушится поля брани —
То закат кровавый в шири пашен?
То души огромные ли раны?
Этих ран размах и ныне страшен.

Ран – и вечно свежих, и всеильных...
Нет им утоленья и покоя.
Сильных, добрых, тихих рук валькирий
Выпало мне ждать на поле боя.

А глазам, пустым, как будто небо,
Сердцу, опьянённом от боли,
Силу исполинскую взять где бы,
Чтоб бороться с мачехой-судьбою?

Совладать с такою дух бессилён,
Не найти желанного покоя.
Нежных, сердобольных рук валькирий
Выпало мне ждать на поле боя...

Но страшны не бой, не оплеухи,
Что стенают верой уязвлённой:
Чёрным ядом для Святого Духа
Пропитали стрелы упоённо!

Небеса! но ключевой водицей
Окропите их, страданью внемля —
Чтобы слёзы с глаз самоубийцы
Не стекли на попанную землю!

Солнце зорь, что не гнушалось боем,
Не взойдёт над сломленным веками!
Делать что с расцветшею любовью
В сердце, искорёженном штыками?

В нём, как в развороченной траншее,
Усланной, как жертвенник, цветами,
Юность, и мечты её, лилеи,
В нём – живая кровь, живое пламя!..

О душа, не просто поле боя,
И не каждый враг тебя достоин.
Потому я не сведу с собою
Счёты – как простой, но сильный воин.

За добро, за жизнь! что ужас боя,
Смерти рык, небес пустая просинь!
И Любви валькирия со мною.
Ведь Любовь страдающих уносит

От полей, от муки ядовитой,
За черту дымящегося ада;
Девы, выбирающей убитых,
Облик, возрождения награда.

Словно мать – блаженна; к обречённым
Нам сойдёт и тихо и молельно,
На коне, в крылатом шлеме чёрном,
Всем, так не познавшим исцеленья.

Меч её – сильней меча любого,
И чертог земной её сначала,
Но даже в нём, как в прелести живого
Предстоит небесная Вальгалла!..¹

¹ Вальгалла – (миф.) небесный чертог для храбрых воинов, павших в бою, рай, куда валькирии забирают с поля боя убитых.

«Когда снежит за окнами январь...»

Когда снежит за окнами январь,
Я снова раб тоски ненасытимой.
И чёрный вечер так же, как и встарь,
Молчит угрюмо и неумолимо.

Хоть морок слеп, не скрыться никогда.
Надежды парус слит с душой больною.
Метели стоны, тьма и пустота
Пронзают душу жалостной мольбою.

Тень головы в сиреновом дыму,
Ласкаемая дымкой сигаретной...
Но ад мой не уходит – почему?!
Для всех вокруг, как воздух, незаметный.

И на ветру трепещет полотно
В неодолимой, вечной ночи власти.
Измученный, я жажду одного:
Чтоб парус не изорван был на части.

Пусть в омут его манит за кормой
Жестокий мрак, не знающий покоя.
Дрожащий, мягкий, тонкий парус мой
Он щупает холодной рукою.

Но всё ж внезапно жёсткая ладонь
Смягчилась, отпустила на мгновенье:
Поникший лебедь – стих он, парус мой,
Как будто в ожидании паденья.

И медлит мрак... Зачем? Чего он ждёт?
Мощь сильного внезапно ослабела?
Иль слышал он, как лебедь мой поёт,²
Пред гибелью паря осиротело?

Бойтся, что его осилив спесь,
Безбрежная печаль в него вонзится?
Бойтся он, что Бог услышит песнь?
А может быть, он сам себя боится?

Мой парус лунной медью осиян,
Как будто бы глухим свеченьем рани.

² есть такое народное поверье, что лебеди поют, но только один раз в жизни – перед смертью. Эта песня прекрасна и не слышна человеческому уху в этой земной жизни, т. к. она звучит на границе между земным миром и неземным.

Его хранит злоеший океан,
Бескрайний и больной, как мои раны.

«Угрюмый весельчак, в чьём сердце пули...»

Угрюмый весельчак, в чьём сердце пули,
Как шут смеюсь, хранящий свою рану.
Мой жребий так непрост, лукавый шулер —
То добрый, то зловещей океана.

Судьба! твой тайный путь нелепый самый,
Как светлый сад в коварности ночной:
То мне совала пиковую даму,
С тоской её больною, роковой,

То, сжалившись, одаривала новой
С огромным сердцем картой на любовь,
И страшных ран вдруг забирала Словом
Всю муку, всю чудовищную боль.

Как дух войны, в пыли меня разила.
И я глядел, поверженный в бою,
Печалью чёрной сломленный, бессильный,
В открытую увечьем грудь мою.

Ни жалости, ни жалобы, ни стоны,
Всё поглотила злая тишина.
И сердцу, что мольбы забыло, снова
Ножами множит раны сатана.

Тоске жестокой не было предела,
Безумства не унять уже ничем;
А горечь всё нутро моё разъела:
Зачем я не прогнал её, зачем!

И лишь тогда, когда порвали стяги,
Стирая тень о светлом и былом, —
В геенны темень мой спустился ангел,
Укрыл меня в молчании крылом.

Я помню добрый миг той странной дружбы,
И ладаном напоенный эфир,
И я постиг всё то, что было нужно,
И без чего мне был ужасен мир.

...Рок, чуть смиренный сказкой колдовскою,
Низринул в сумрак ночи, что заклят,
Меня, откуда нет пути изгою.
Но ангелы любви сильней в стократ.

И вероломней силы урагана
Рок разрушал и плоть мою, и кровь.
Но и в груди моей, в открытой ране,
Где сердце лишь нежней – росла любовь.

... Угрюмый весельчак, в чьём сердце пули,
Теперь шутник и я, счастливец бедный.
Я снова хохочу печально, шулер,
Мой странный рок, порою милосердный.

Но если ты задумаешь большее
Ударить, мой безжалостный вампир,
То вспомни: тебя ангелы сильнее.
Без них давно разрушили бы мир.

Артист

От рампы сиянье колыхалось,
Как бабочек белейших рой.
Певец! в нём сердце отдыhalo,
Уняв на миг пустыни зной.

И рок дорогой тупиковой
От слёз к погибели ведёт;
Твой голос плеском родниковым
Из недр души глубоких бьёт.

Подземных... Счёта ранам нет нам,
И мне б сподобиться хоть раз
Голубизны добра и света
Как птица-жар, горящих глаз.

И пусть сочтён наш каждый волос —
Мы пьём все яды сгоряча.
Певец! в аду ночном твой голос —
Шум заповедного ключа.

То утешенье не напрасно:
Сквозь муки – чары добрых грёз
Ты даришь нам полночной сказкой,
Свой жаркий поцелуй в мороз.

Пусть сердце билось, словно фляга,
От рок-стенанья до крови,
Но сколько в этом было блага,
И сколько искренней любви!

Не удержать в руках мгновенья,
Где есть завещанный Эдем;
Без доброй девы – обольщенья, —
Глотать отраву дней зачем?

Вуалью дыма ослабелой
Окутает нас голос твой,
Баюкать нежной колыбельной,
Назло печали гробовой.

Пусть ужас боли настоящий,
Всю эту тьму благослови,
Тех родников испив звенящих
Неотчуждаемой любви.

Она одна для нас криница;
И я, оставив боль свою,
Что ядом горечи полнится —
Литания любви спою.

«И пускай на горе мне с рождения до тризны...»

И пускай на горе мне с рождения до тризны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.